

УСТОЯТЬ НА НОГАХ– Камерон Дейтон

BLIZZARD ENTERTAINMENT

ГЕЛБИН МЕГГАКРУТ: УСТОЯТЬ НА НОГАХ

Камерон Дейтон

– Мы проверили верхние этажи в секторе семнадцать. Кажется, помещения не сильно пострадали с момента нашего... вынужденного отбытия. Если не считать зловонного запаха троггов, который здесь повсюду...

– Ммм, да, этот чудесный аромат сырости, нечистот и гниющих обезьяньих внутренностей. Безотказно вызывает рвотные рефлексy, насколько мне известно.

Капитан Герк Пружиннец скривился и побледнел. Судя по всему, запах отрицательно сказывался на боевом духе подразделения.

– Все в вашей команде снабжены последней моделью разработанных мной высокоскоростных ноздревых фильтров?

– Так точно. Но этот запах... он *ощущается на вкус* – даже если в носу стоят фильтры, – Пружиннец запрокинул голову, показав свои замечательные гномьи ноздри, в которых красовались плотно прилегающие фильтры. – Двое моих бойцов подали заявление на перевод в Старую Наковальню разбираться с патрулями троллей, а врач бьет тревогу из-за участвовавших приступов воненгита.

Главный механик Гелбин Меггакрут вздохнул, сдвинул очки на лоб и начал массировать переносицу своего не менее замечательного носа. Новые очки натирали, и отрегулировать их значилось первым пунктом в списке тысячи задач, которыми Гелбин собирался заняться после завершения кампании. Он не спал всю предыдущую ночь, и там, где оправа прилегалa к лицу, сильно саднило. Отвоевание Гномрегана оказалось не таким уже простым делом.

Взять эту вонь, например. Вентиляция была одной из проблем – стоит заметить, многочисленных – этого огромного подземного города. Чтобы сохранить свежесть и чистоту воздуха, требовалась целая сеть вентиляторов, воздуховодов и очистительных систем, где круглые сутки посменно трудилась команда из пятнадцати техников. За то время, пока трогги господствовали в Гномрегaне, их отвратительный запах настолько въелся в стены и предметы интерьера, что от него было избавиться сложнее, чем от самих захватчиков.

– Не волнуйтесь, капитан. Ребята из алхимического корпуса уже разрабатывают прототипы моих новых вонеустранительных противосмрадных пушек, которые станут источником взрывной волны свежести на улицах города. А пока вам и вашим бойцам следует отдохнуть. Вы свободны на сегодня. Отправляйтесь-ка к Громовару и пропустите пинту-другую эля.

Пружиннец улыбнулся, отдал честь и кивнул в знак согласия.

Меггакрут повернулся к чертежам, разложенным на столе, и, поморщившись, спустил очки обратно на нос. В некоторых секторах Гномрегана все еще велись сражения, другие же удалось отвоевать на удивление легко. Конечно, помощь Альянса была основной тому причиной, однако Гелбина все же что-то

настораживало. Машинный зал, казалось, был просто брошен, а это очень не похоже на старого врага Меггакрута: он никогда не уступал территорию без боя.

Легкое покашливание прервало мысли Гелбина – капитан все еще стоял в комнате, переминаясь с ноги на ногу.

– Простите, капитан, у вас был еще какой-то вопрос?

– Да, главный механик. Если не возражаете...

– Ни в коем случае, капитан. Спрашивайте.

– Тут ребята интересовались – да и я сам тоже – почему нас отправили именно в этот сектор. Он довольно далеко от линии фронта, и в нем нет важных стратегических объектов или ресурсов. На самом деле, он похож на жилище старого сумасшедшего.

– Жилище сумасшедшего, говорите?

Капитан Пружиннец заговорщицки улыбнулся.

– По крайней мере, у меня создалось такое впечатление. Все эти горы старых книг, скомканные листы бумаги кругом и что-то, напоминающее кроличью нору из консервных банок...

– Я допускаю, что макет подземного поезда может вызывать некоторые ассоциации...

– Подземного... поезда?

– Это мои бывшие апартаменты, капитан.

– Ваши апартаменты? О... Ох. Прошу прощения, главный механик. Я не имел в виду ничего плохого...

– Совсем не то, что обычно ожидают от человека в моем положении, да? – Гелбин хихикнул и похлопал зардевшегося капитана по плечу. – Не стоит извиняться, Пружиннец. У меня, может, и было мягкое кресло в Городе Механиков, но настоящая работа, все замыслы и изобретения – все рождалось здесь, в этом самом «жилище сумасшедшего». Кстати, раз уж вы уходите, передайте сержанту Медноболту, что я готов к осмотру сектора. Спасибо за проделанную работу, капитан.

...

Гелбин подождал, пока последний гном из отряда охраны скрылся за поворотом, и только потом улыбка исчезла с его лица. Он тяжело вздохнул, но было непонятно, чего в этом вздохе больше – отчаяния или облегчения.

Нелегко вернуться в свой рабочий кабинет, в свое убежище. Именно это место он всегда представлял себе, когда говорил слово «дом» – даже спустя столько лет. Лет, проведенных под покровительством снисходительных союзников, которые, несмотря на все свое благородство, продолжали смотреть на него с жалостью.

Труднее всего было пережить именно эту жалость. Для честлюбивого народа, чье существование подчинялось абсолютным научным законам вселенной, она была просто невыносимой. Жалость приравнивалась к презрению. Гелбина раздражало, когда к нему проявляли сострадание, – и остальных гномов тоже. Как вождь он всегда внимательно изучал собственные эмоции: они зачастую совпадали с общими чувствами.

Но тяготила главного механика не только жалость. Тягостно было и то, что приходится постоянно улыбаться, подбадривать свой народ, проявлять гномскую смекалку. Лучиться твердой уверенностью, ютяться в тесных комнатах старого Города Механиков, когда единственное, чего ему хотелось – упасть на землю и... и...

Гелбин судорожно вздохнул и пошатнулся, ударившись с глухим стуком о металлическую стену. Так много погибших. Непростительно много!

Главный механик сжал кулаки и шумно выдохнул, пытаясь взять себя в руки. Потом гном закрыл глаза и начал перемножать простые числа, пока все эти тревожные мысли не затихли где-то в дальнем уголке его сознания. Простые, надежные числа. На них всегда можно было положиться, довериться им. Гелбин понимал, что однажды ему придется разобраться с накатывающими на него чувствами, но сейчас у него не было на это времени. Сегодня гномам нужен их главный механик, чтобы отвоевать родной город, и такие вещи, как сожаление и раскаяние, покажутся лишь проявлениями слабости. А лидер народа, находящегося на грани уничтожения и вынужденного жить на чужбине, не может позволить себе проявлять слабость.

Только не в этот раз.

Стараясь выбросить последнюю мысль у себя из головы, Гелбин зашагал вперед, осматривая состояние своего бывшего дома. В отличие от других лидеров Альянса, главный механик отказался от роскоши из более практических соображений. Какой толк от трона, если лучше всего думается на ногах? Старая система коридоров в семнадцатом секторе являлась физическим воплощением творческого мышления Гелбина: библиотека была соединена с чертежным кабинетом, переходящим в обычную макетную мастерскую, откуда можно было пройти сразу в сборочный

цех. Исследование, идея, разработка, производство. Именно в этих стенах ряды цифры облачались в железо и отправлялись покорять мир.

Именно здесь Гелбину впервые пришла в голову идея о механодолгоноге, благодаря которому его невысокие собратья смогли передвигаться так же быстро, как и стремительные всадники-люди. Это изобретение сделало юного гнома знаменитым и стало первой ступенькой на пути к званию правителя. Шлицевой гироинструмент, ремонтный робот, подземный поезд и даже прототип дворфийской осадной машины – все эти проекты зародились здесь, в его кабинете. Именно в этих стенах бесплотные фантазии Гелбина обретали физическую форму и отправлялись служить на благо всех гномов.

– Из чего следует вопрос, – пробормотал Гелбин, – может ли тысяча изобретений компенсировать последствия одной ужасной ошибки?

Его слова, наполненные болью, повисли в темноте коридоров. Главный механик не нуждался в ответе на свой вопрос. Но тут впервые со времени возвращения в Гномреган Гелбин улыбнулся – он заметил, что разговаривает сам с собой. Этого не случалось с тех самых пор, как... как он покинул город. Так что, возможно, вернувшийся невроз был хорошим знаком. Гелбин почесал свою аккуратно подстриженную бородку.

– Если психотический рецидив кажется мне положительным явлением, дела действительно плохи.

Проходя через сборочный зал, Гелбин провел пальцем по пыльной скамье и прищелкнул языком. Время не пощадило эту комнату. Даже при мигающем свете – все еще работающая система освещения была еще одним доказательством гения инженерной мысли гномов – было заметно, что однажды безупречному цеху теперь требуется основательный ремонт.

Взгляд Гелбина упал на стенд с наградами у дальней стены. Его установили там по настоянию учеников, да и то только потому, что главному механику нужно было место для хранения всех этих бесполезных грамот с похвалами и благодарностями. Как и все остальное в комнате, он был покрыт толстым слоем пыли.

В центре стенда гордо стоял первый рабочий прототип механодолгонога, увешанный ленточками и медалями. Гелбин улыбнулся, отметив про себя, что даже в новейших высокоскоростных моделях, производимых в Стальгорне, прослеживались черты его первого детища: все та же угловатость птичьих ног и туловище, напоминающее по форме чайник. Более того, агенты из Нордскола докладывали, что его изобретением пользуются даже таинственные механогномы для своих загадочных целей. Что может быть более лестным, чем знать, что раса *машин* использует созданную тобой *машину* как средство передвижения!

Механодолгоног был первым и, пожалуй, наиболее популярным проектом Меггакрута, но за ним последовала череда уникальных, мощных и необычайно практичных изобретений, которые укрепили силу его народа и доказали незаменимость гномов в альянсе дворфов, людей и эльфов. Именно в стенах Гномрегана Гелбин Меггакрут прошел путь от простого изобретателя до главного механика. Именно здесь Гелбин постигал суть вещей, совершал свои самые выдающиеся открытия и получал многочисленные похвалы от собратьев, которые ценили творчество и искусство превыше всего.

И эти же стены стали свидетелем того, как Гелбин Меггакрут наивно поверил словам гнома, которого когда-то считал другом. В этом самом зале Гелбин отдал приказ, который погубил большую часть его собратьев, а выживших лишил родного крова и обрек на унижения и нищенское существование.

Гелбин ударил кулаком в стену, подняв облако пыли. Свет над головой мигнул, словно соглашаясь с выраженным негодованием. Главный механик решил, что ему следует прогуляться, чтобы унять вновь поднимающуюся бурю чувств. Он покинул сборочный зал и, пройдя через макетную мастерскую, вернулся обратно в чертежную комнату. Тут он остановился – к своему удивлению Гелбин внезапно понял, что только что впервые проявил гнев, спустя *годы* после предательства. И этот внезапный приступ ярости ему понравился.

Возможно, давало о себе знать общение с несносными дворфами. А возможно, оказавшись вне пристального взора сочувствующих покровителей и беспокоящихся граждан, он почувствовал, что занавес, наконец, опустился и что ему больше не нужно играть роль главного механика и можно снова быть самим собой, Гелбином. А Гелбин мог позволить себе печалиться, Гелбин мог чувствовать себя преданным, Гелбин мог негодовать и убиваться из-за несправедливой жестокости мира.

Гном зарычал и снова ударил кулаком в стену, наслаждаясь глухой болью в костяшках пальцев – от удара железные стены холла тонко зазвенели. Во всяком случае, за время, проведенное с дворфами, его народ стал более сильным и научился с наибольшей выгодой пользоваться своими физическими особенностями, чем когда-либо за всю историю существования гномов. Дворфы довели до совершенства отнюдь не тонкое искусство ближнего боя, сражаясь с существами, вдвое превосходящими их по размеру, в то время как гномы обычно оттачивали мастерство побега и избегали конфликтов. Годы, полные трудностей и необходимости уживаться с более крепкотелыми союзниками, по крайней мере, сделали из гномов достойных воинов. Никогда раньше столько собратьев Гелбина не облачалось в доспехи и не держало в руках оружие, задавая жару более высоким противникам.

– Хотя, – пробормотал Гелбин, – умение задавать жару не сильно помогло нашим значительно поредевшим рядам.

Стены все еще продолжали звенеть от удара Гелбина. И тут главного механика пронзила мысль: звук совсем не тот, каким должен быть!

Гелбин наклонил голову и отошел на шаг назад. Помещения семнадцатого сектора были вырезаны в северо-западных толщах Дун Морога – в той заснеженной его части, которая состояла преимущественно из гранита и глинистого сланца. Облицованные железом стены коридоров этого крыла Гномрегана не должны были резонировать на такой частоте при ударном воздействии. Или ему изменяет память?

Закрыв глаза, гном еще раз слегка ударил костяшками пальцев по стене, которая снова издала тот же самый звук, напоминающий высокий звон колокола.

Не отрывая взгляда от стены, Гелбин отошел в центр комнаты. Его старое кресло, представляющее собой удивительно примитивную конструкцию, изготовленную троллями из костей и кожи ящеров, стояло на прежнем месте. Кресло было трофеем, доставшимся ему после первого набега гномов в составе Альянса на ордынский лагерь во время Второй войны. Гелбин хранил этот устрашающего вида предмет по двум причинам. Во-первых, чтобы не забывать, что его враги живут в мире, созданном из костей и шкур. Во-вторых, чтобы помнить, что даже клыкастым варварам с кожей болотного цвета требуется уют и отдых. Главный механик редко проводил время сидя, когда занимался своими изобретениями, но с удовольствием дремал в кресле после бессонных ночей раздумий и мозговых штурмов. Обитое кожей мягкое сиденье находилось близко к полу и было довольно широким, так как должно было вмещать в себя объемы даже самого представительного тролля, – что превращало кресло в отличное место для отдыха гнома. Гелбин опустил на уютную мягкую подушку сиденья с тревожным вздохом.

Неужели они построили здесь что-то новое? Гелбин насторожился. Он внимательно осмотрел комнату на предмет наличия следов диверсионной деятельности: торчащих проводов, неровно пригнанных досок, необычных следов на пыльных поверхностях. Весь сектор был тщательно обследован его лучшей командой, но Меггакрут отучил себя слепо доверять кому-либо, особенно если в деле был замешан Термоштепсель.

Сикко Термоштепсель. От этого имени у Меггакрута до сих пор появлялся неприятный холодок в груди, от которого он не мог избавиться, сколько бы ни старался. Гелбину наконец удалось подобрать слово, описывающее это странное ощущение – это чувство, которое ему было странно и пугающе незнакомо. Он находился в *растерянности*. Это был уникально редкий случай, когда главный механик Гелбин Меггакрут был очень сильно растерян.

Как такое вообще могло случиться?

Гном из Гномрегана, который сознательно бы действовал во вред своим сородичам, являлся чем-то немыслимым, уму непостижимым, ошибкой природы. В отличие от дворфов, у гномов не случалось междоусобных конфликтов. Их история не знала ни военных диктаторов, ни враждующих фракций. Гномы просто-напросто не воевали с гномами. В мире, полном львов, тигров, фурболгов и более высокорослых народов, его собратьям приходилось полагаться только на себя. Это было чем-то само собой разумеющимся. Именно поэтому гномы не пользовались правом первородства, ставшим причиной стольких кровопролитий среди других рас Азерота, и отвергли монархию как способ правления многие столетия назад. Гномы выбирали своих лидеров по общему согласию, основываясь на реальных заслугах. Заслуги измерялись пользой, принесенной народу. Действовать во вред своим собратьям, жаждать добиться власти любой ценой – такое поведение можно было ожидать от дворфа, орка или любого человека. Но как *гному* могло прийти в голову поставить на грань уничтожения собственный народ?!

Сикко говорил, что проверил уровень радиации газа. Он заявил, что имеет доказательства его смертельного воздействия на троггов, и подsunул Гелбину фальсифицированные показатели плотности и объемного веса. Газ никогда не должен был выйти за пределы карантинного сектора и нижних уровней Гномрегана – предполагалось, что он будет отравлять врагов, пытающихся проникнуть в город из-под земли, обеспечивая гномам мирную жизнь на верхних ярусах города. В то время это казалось единственным способом предупредить неожиданное вторжение, который, к тому же, не требовал привлечения и без того занятых союзников из Альянса. Гномы бы сами позаботились о себе. Термоштепсель буквально излучал уверенность в том, что все работает.

Однако большинство троггов смогло пробраться через загазованные уровни, а радиация сделала их еще более агрессивными. Более того, газ поднялся вверх и заполнил все уровни Гномрегана. Он просочился через расхваливаемые Термоштепселем домашние фильтры «Свежесть ветра» и убил всех гномов, которые находились дома, – они задохнулись в клубах зеленого дыма, проникнувшего сквозь двери, которые, согласно обещаниям главного механика, должны были их защитить. Гномреган умер в тот день, и все из-за того, что Гелбин считал Термоштепселя другом, ну или, по крайней мере, гномом.

Меггакрут откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Тяжесть в груди была просто невыносимой. В сотый раз Гелбин подумал о том, не сложить ли ему полномочия и не попросить ли свой народ выбрать другого главного механика. Того, кто не чувствовал бы себя таким растерянным. Того, кто не сделал бы настолько глупой ошибки, приведшей к гибели...

Гелбин больше не мог противостоять охватившему его чувству отчаяния, его накрыла волна горечи, вырвавшаяся, наконец, из длительного заточения. Гном сделал несколько судорожных вдохов и начал лихорадочно перемножать простые числа, сжав подлокотники кресла до боли в руках, но это не помогло. Скорбь сломила его систему защиты и вырвалась наружу неровным грудным всхлипом.

И вот в абсолютной тишине пустующего кабинета главный механик Гелбин Меггакрут наконец заплакал.

...

Когда слезы на его щеках высохли, дрожь в руках успокоилась, а в комнате воцарилась тишина, Гелбин осторожно выдохнул и выпрямился. Он чувствовал себя... опустошенным... как будто бы ураган эмоций смыл все на своем пути. Это было не самое приятное ощущение, но очень нужное Гелбину в тот момент.

Пора возвращаться на сцену, обратно к своему народу. Главного механика уже начали мучать угрызения совести из-за того, что он так долго занимался своими личными проблемами. Гном оперся на подлокотник кресла, собираясь встать.

И замер.

Его пальцы задели что-то холодное. Гелбин открыл глаза и посмотрел на кресло. Там, на подлокотнике, аккуратно лежали его любимые очки в простой мифриловой оправе, которые ему подарили в честь окончания учебы в Институте механизации. Прочные, надежные, удобные очки. Он носил их, не снимая, несколько десятков лет подряд – до тех самых пор, пока не началось вторжение троггов, ставшее причиной поспешного отступления гномов из Гномрегана. Все это время Гелбин обходился новыми очками, которые он смастерил на скорую руку в Стальгорне где-то на полпути между Городом Механиков и тронным залом Бронзоборода. Эти очки были причиной постоянных мучений его многострадального носа. Обрадовавшись находке, главный механик потянулся к желанному предмету.

– Теперь я по-настоящему стану самым со...

Гелбин стал поднимать очки, но кто-то как будто потянул их обратно, и гнома прошиб холодный пот. Из глубины сознания всплыл пугающий факт: он получил эти очки в честь окончания института – и это был подарок от его друга и сокурсника Сикко Термоштепеля.

К тому же, Гелбин никогда бы не оставил очки лежать на кресле.

Слишком поздно главный механик заметил тонкую проволоку, закрепленную на переносице очков. Эта почти невидимая нить металла спускалась за кресло в небольшое отверстие в плитке. Она была сделана из истинного серебра, которое было невероятно легким и, вместе с тем, превосходило по прочности сталь. Гелбин почувствовал, как натянулась и ослабилась нить, приведя в движение скрытый механизм. В следующее мгновение массивный люк с грохотом опустился в коридоре, блокируя вход в зал. Точно такой же звук послышался за спиной из второго коридора, который вел в следующую комнату.

Новые сооружения в семнадцатом секторе? Безусловно, были! Кто-то расставил силки на главного механика, и Гелбин угодил прямо в них! Кто бы еще сел в его кресло? Кто бы решил взять в руки очки главного механика? Пока скрытый механизм продолжал работать за стеной, Гелбин поймал себя на том, что рассуждает, подкупили ли недоброжелатели капитана Пружиннеца или его команда действительно не обнаружила подвоха.

В комнате раздался треск помех – это ожил электрический громкоговоритель. Из динамика раздался голос, преследовавший главного механика в кошмарах вот уже несколько лет.

– Знаешь, дорогой Гелбин, я все сомневался, не будет ли наживка слишком очевидной для тебя, и почти не поверил своим ушам, когда раздался сигнал активации. Но, похоже, твоя очаровательная наивность всегда будет брать верх над интеллектом.

Гелбин вскочил на ноги, вытирая глаза. На некоторое мгновение он испугался, что Сикко, возможно, видел, как он плачет, но главный механик быстро выбросил эту мысль у себя из головы. Ощущение пустоты, которое он испытывал всего несколько секунд назад, сменилось стыдом и липким холодом страха, которые до боли гармонично переплелись с заново вспыхнувшим чувством растерянности. Сжав зубы, Гелбин потянулся к поясу, в котором он обычно носил свой старый гайковерт-калиброммер, но его там не оказалось. Главный механик настолько торопился осмотреть свой старый кабинет, что отправился туда без какого-либо оружия.

Такого с ним раньше никогда не случалось – даже в Стальгорне. Он сходит с ума? Сначала растерянность, потом забывчивость, а теперь это?

Как бы это ни было забавно, но Термоштепсель оказался прав. Главный механик *подозревал*, что в здании будет ловушка, чувствовал, что этот сектор достался ему слишком просто. Но... не понимал, зачем Термоштепселю прилагать столько усилий, чтобы уничтожить одного единственного гнома, особенно когда Альянс уже наступает ему на пятки! Опять какое-то недоразумение.

– Сосредоточься, черт бы тебя побрал! – отругал Гелбин сам себя. Если не взять себя в руки, смерть не заставит долго ждать. Главному механику никогда не случалось быть в столь растерянных чувствах, но если он хотел выжить, его старый приятель ни за что не должен был об этом догадаться. Было известно, что Сикко не силен в многозадачности, и Гелбин решил попробовать заговорить его, тем временем пытаясь найти путь к спасению. Главный механик прочистил горло.

– На самом деле, тактик из тебя никакой, Сикко. Не удивительно, что нам удалось так быстро вытеснить твоих окопавшихся бойцов, хоть вы и превосходили нас численностью в размере три к одному. Все данное тебе время ты потратил на глупые игры в месть!

Гелбин быстро пробежал взглядом по комнате, стараясь сохранять самообладание. Если Термоштепсель решил заполнить комнату тем же токсичным газом, которым он отравил остальных гномов, спасения нет. Гелбин знал здесь все как свои пять пальцев и не тешил себя лишней надеждой. Из помещения было только два выхода, оба которых сейчас надежно заблокированы. Гелбин натянул на нос ворот рубахи и осмотрелся, пытаясь обнаружить малейшие признаки смертельного зеленого тумана. Возможно, у него получится задержать дыхание и выбраться через воздуховод, построенный врагом для подачи газа.

Сикко Термоштепсель рассмеялся.

– Глупые игры в месть? Гелбин, да ты хоть представляешь, каким ударом станет твоя смерть для гномов? Они оставили тебя у руля, несмотря на все мои усилия подорвать твой авторитет. Эти мелкие глупцы любят своего главного механика. Твоя смерть разобьет их сердца!

Гелбин собирался ответить, но его перебил щелчок переключателя. Мертвую тишину нарушил механический скрежет – это пришли в движение пружинно-поршневые колеса, натягивая тяжелые железные тросы. Участок стены перед Гелбином – тот самый участок, который издал странный звук при ударе – начал уходить в потолок. В комнату ворвался поток теплого влажного воздуха и Гелбин понял, в каком обличье к нему придет смерть. От того, кого послали убить его, пахло сыростью, нечистотами и гниющими обезьяньими внутренностями.

Трогг, вышедший из проема, издал гортанный рык. Он был крепкого телосложения, с мускулистыми руками, свисающими почти до пола, и двигался с самодовольной уверенностью хищника, который знает, что жертва загнана в угол.

Главному механику приходилось командовать сражениями с троггами, но сам он никогда раньше не находился к ним так близко – его охрана бы никогда такого не допустила (охрана, которой он по глупости приказал дожидаться его за пределами сектора). Трогг был выше гнома по меньшей мере вдвое, его шероховатую кожу покрывали многочисленные шрамы, а на плечах и локтях были неровные костяные наросты, которые свидетельствовали о каменном прошлом этих существ. Ходили слухи, что трогги стоят в одной генетической цепочке с дворфами. И хотя Гелбин никогда бы не признался в этом своим радушным покровителям, он все же видел между ними определенное сходство: кустистая борода, крепкое телосложение и бугры мускул, которые, казалось, были вырезаны из гранита. Но на этом все сходство заканчивалось. У троггов была сутулая осанка, как у обезьян, массивные надбровные дуги и явно хищнические клыки.

Гелбину вспомнились занятия по боевым искусствам. Чтобы справиться с троггом, обычно требовалось четыре или пять гномов – предполагалось, что они все будут вооружены и будут иметь опыт сражений в подземных условиях. Будучи превосходным тактиком, Меггакрут был уверен, что даже без усиленной брони и гайковерта-калибромера он сможет оказать достойное сопротивление. Гном сделал

шаг вперед и осмотрел комнату. Если бы ему удалось быстро добраться до противоположной стены, он смог бы схватить один из стульев и использовать его в качестве временного оружия. Если ему удастся удерживать противника на расстоянии, возможно, получится сбежать через тот проход, посредством которого трогг попал в комнату. Это будет опасно, но лучшего варианта на ум не пришло...

В проходе появилось еще двое троггов. Главарь прорычал несколько команд, и они начали окружать жертву с двух сторон со звериной быстротой, неожиданной для их массивного телосложения.

Стена опустилась за троггами со зловещим лязгом, лишив Гелбина всякой надежды выбраться из кабинета живым. Ловушка Термоштепселя захлопнулась: мышь оказалась в клетке с кошками. Сикко был близок к тому, чтобы завершить дело, начатое в Гномрегане много лет назад. Город будет окончательно и бесповоротно принадлежать монстру, который выдает себя за гнома. Гелбин упал на колени и закрыл глаза.

Все кончено.

Он устал от жалости, устал от ежедневных напоминаний о том, что потерял свое королевство просто потому, что был гномом. Он устал от этого чертова чувства растерянности. Шаги троггов слышались все ближе и ближе, и Гелбин уже попрощался со своим любимым Гномреганом, со своим народом.

Эти мелкие глупцы любят своего главного механика.

После всего, что произошло, они любят своего главного механика.

Гелбин открыл глаза. Он обнаружил, что все еще держит в руках свои очки, увидел тонкую как лезвие нить истинного серебра на полу. Незаметно для себя в Гелбине ожил инженер, и в его воображении сразу начали рисоваться чертежи и схемы.

Вероятней всего, растяжка вела к утяжеленному грузом пружинному спусковому крючку, который приводил в движение массивный вал, уравновешенный тяжелыми тросами, с помощью которых поднималась стена, закрепленная, судя по звуку, на двух ржавых шарнирах. В работе Сикко всегда имела место небрежность. Все остальное было сконструировано довольно просто, и Гелбин с иронией подумал, что даже противнику гномов Сикко пришлось воспользоваться технологиями собратьев, чтобы достичь своих темных целей. Эти технологии были разработаны и внедрены Гелбином, и Гелбином же они были доведены до совершенства на благо и для защиты своего народа.

Гелбин Меггакрут был гномом до мозга костей. За это его и любили. За это его и выбрали главным механиком. И именно поэтому он все еще сражался за свой народ – даже несмотря на пережитый стыд, подавленность и растерянность.

Внезапно вся растерянность гнома улетучилась.

Перекатившись на бок, Гелбин едва избежал крепкого удара кулаком, который нанес первый трогг. Каменные пальцы существа врезались в кафельный пол, и множество осколков разлетелось во все стороны. В следующую секунду Гелбин был снова на ногах и тотчас бросился вглубь комнаты.

– Скажи мне, Сикко. Если моя смерть настолько выгодна тебе, почему ты ждал до сих пор? Не проще ли было убить меня раньше, когда я тебе еще доверял?

Гелбину было сложно разговаривать на бегу, но он знал, что нужно чем-то отвлечь Термоштепселя, если он хочет, чтобы его план сработал.

Решив, что их жертва собирается сбежать, двое троггов бросились вперед наперерез гному. Гелбин предусмотрел это и, воспользовавшись несколькими секундами, которые подарил ему последний маневр, намотал свободный конец нити из истинного серебра вокруг очков.

Когда главный трогг почти настиг Гелбина, гном развернулся и побежал *прямо навстречу* ревущему животному. Хищник не ожидал такого поворота событий и схватил руками лишь воздух, когда Гелбин, пригнувшись, проехал по полу прямо у него между ногами и побежал дальше.

Взревев, зверь развернулся и бросился за ним вдогонку. Двое других троггов, раззадоренных криками собрата, зарычали и начали окружать жертву. Они были не такими уж глупыми животными, и Гелбин знал это. Эти двое собирались подождать, пока гном останется без сил после борьбы с первым троггом, а потом полакомиться легкой добычей. Где-то под потолком зазвучал гневный голос Термоштепселя.

– Как?! Ты еще не умер?

Гелбин улыбнулся. Его враг только что доказал, что хотя он и слышал все происходящее в комнате, но никак не мог ничего видеть. Еще не все потеряно!

Разъяренный трогг двигался намного быстрее, чем предполагал Гелбин, и главный механик уже чувствовал его тошнотворное дыхание у себя за спиной. Самому гному уже не хватало воздуха, и он сфокусировался на макетном столе, который был всего в нескольких метрах от него.

Ближе. Еще чуть-чуть.

Взвизгнув от неожиданности, трогг дернулся и упал на спину, словно его схватила какая-то неведомая сила. Нить из истинного серебра, которую Гелбин обмотал вокруг его лодыжки, закрепленная на прочном мифриле очков, натянулась до предела и, учитывая силу рывка, полученную при умножении скорости движения

на веса трогга, начисто отрезала хищнику стопу. Воздух сотряс крик боли, в котором были одновременно стон и рев. Трогг поджал кровоточащий обрубок ноги и снова взревел, ударив кулаком о землю. Меггакрут виновато улыбнулся и стремглав бросился к чертежному столу. Один из троггов поспешил к раненому товарищу, но, скорее, из любопытства, чем из жалости. Второй зверь продолжил подбираться к Гелбину.

Из громкоговорителя слышались гневные нечленораздельные звуки.

– Ты прав, Гелбин, мне *следовало* уничтожить тебя тогда, но мне нужен был козел отпущения. Мне нужен был кто-то, против кого можно было настроить народ, чтобы он выбрал меня новым главным механиком! Ты хоть понимаешь, сколько времени я потратил на то, чтобы разработать план, который бы опорочил твое имя?! Убить тебя было бы слишком просто!

Гелбин добежал до стола и начал молниеносно выдвигать ящички, проверяя их содержимое. При этом голос его оставался ровным и спокойным.

– И когда же ты начал осуществлять свой замысел по сплочению гномов и получения звания главного механика? До или после геноцида?

Сикко зарычал и выругался. Мгновение спустя слышался звук удара гаечного ключа, брошенного в стену. Слова Гелбина сильно задели самолюбие Термоштепселя.

– Судить задним числом всякий дурак может! Газ оказался... немного более действенным, чем я предполагал. Согласно моим подсчетам, смертность должна была составить около тридцати процентов – достаточное количество трупов с точки зрения статистики. И все по твоей вине. Далее бы последовало триумфальное изгнание троггов и успешный взлет моей карьеры.

– «Бы» здесь ключевое слово!

Слышался еще один звук удара – на этот раз кулаком по микрофону.

– Кто бы мог подумать, что гномы не отвернуться от тебя, когда я практически обагрив твои руки их кровью?! Что они пойдут наперекор законам логики и поведут себя, словно горстка плаксивых слюнтяев – ночных эльфов? Я даже рад, что газ возымел такой эффект! Гномам не помешала чистка!

Еще один удар кулаком по микрофону. На этот раз он был сильнее и за ним последовал сильный шум помех. Потом наступила тишина. Похоже, при расчетах прочности Сикко Термоштепсель не предполагал того, что на микрофоне кто-нибудь будет срывать злость. Гелбин на секунду перестал рыться в ящиках и одобряюще кивнул.

– Эмоции, эмоции. Друг мой, ты только что лишил себя возможности высказывать мне свое злорадство, находясь в укрытии.

Гелбин вернулся к исследованию содержимого ящичков. К счастью, Термоштепсель оставил кабинет почти в том же состоянии, в котором он находился ранее, чтобы специалисты по безопасности ничего не обнаружили при обыске. Гелбин предположил, что механизм ловушки построили за пределами комнаты, а потом установили за стеной и под полом. Единственной зацепкой была несчастная серебряная нить.

И эта самая нить только что помогла сократить количество проблем на 33,3 процента (три в периоде, конечно). Гелбин наконец нашел то, что искал, на дне последнего ящичка. Это был небольшой кожаный мешочек с набором инструментов, который ассистенты использовали для настройки часов, развешенных в кабинете. Пунктуальность никогда не была сильным качеством Гелбина, но главный механик предпочитал всегда точно знать, насколько он опаздывает.

Гном развернулся, чтобы проверить местонахождение атакующих, и едва успел уклониться от еще одного коварного удара. Один из троггов успел подкрасться к нему, и в следующее мгновение его кулак с легкостью проломил чертежный стол – будто бы тот был на самом деле сделан из картона. Гелбин всегда подозревал, что в костях и мышцах этих диких созданий есть тяжелые металлы, и хаос, воцарившийся в комнате всего за несколько минут, был отличным тому подтверждением.

Воспользовавшись своим преимуществом в скорости, гном поспешил убраться подальше от разъяренного зверя, захватив при этом мешочек с инструментами. Трогг взревел от ярости и развернулся, чтобы прорычать несколько команд своим собратьям. Один из них истекал кровью на полу, другой ревом же выразил свое согласие и стал медленно передвигаться по комнате в направлении Гелбина. Трогги собирались зайти к нему с двух сторон и потом нанести смертельный удар. Главный механик не мог убежать от них вечно. Его смерть была лишь вопросом времени, и хищники знали это.

Гелбин вернулся в центр комнаты, где лежало упавшее на бок кресло. Опутанный проволокой трогг дернул ногой со всей силы, когда пытался догнать гнома, – а силы в нем было очень много, – и спусковой механизм, который находился под плитками прямо под креслом, выдернуло из гнезда. Устройство представляло собой квадратную металлическую коробку размером не больше суповой тарелки. Если Сикко Термоштепсель, как обычно, смастерил что-то примитивно безыскусное, то главный вал и противовесы должны находиться здесь же, под креслом.

Гелбин отодвинул кресло в сторону и открыл мешочек с инструментами. Отвертка, железный молоточек, напильник и флакон с маслом черноротика – все очень

миниатюрное, отлично подходящее для работы с часами. Или для контрдиверсии. Гелбин осмотрелся, прикидывая, сколько времени понадобится троггам, чтобы до него добраться. Примерно двадцать секунд. Гному нужно было тридцать.

Гелбин откупорил фиал и катнул его в направлении ближайшего трогга – содержимое фиала разлилось по полу тонкой блестящей струйкой. Зверь недоуменно посмотрел на миниатюрную склянку, хмыкнул и поднял взгляд на гнома, который стоял напротив него с отверткой в одной руке и напильником в другой. В следующее мгновение Гелбин быстро провел отверткой по поверхности напильника – посыпались искры, пролитое масло загорелось и огонь тонкой змейкой устремился к фиалу у ног трогга. Все случилось настолько быстро, что хищник едва успел отвернуться, когда у его ног взорвался огненный шар. Косматая борода трогга загорелась, и он начал лихорадочно махать руками, пытаясь потушить огонь, но от этого пламя разгоралось лишь сильнее.

Довольный собой Гелбин вернулся к проволоке, развороченным плиткам и спусковому механизму. Второй трогг все еще был в дальнем конце комнаты, но теперь, когда его собрат бился в огне по вине безоружного с виду гнома, он двигался гораздо осторожнее.

– Тридцать секунд у меня теперь есть, – пробормотал главный механик. – Может быть, даже сорок.

Гелбин поддел отверткой крышку спускового устройства и осмотрел механизм, к которому крепилась катушка проволоки из истинного серебра. Конечно же, Сикко поработал спустя рукава. Хороший диверсант сделал бы спусковой механизм одноразовым, используя непрочные материалы или слабо заведенные пружины. Этой же пружины хватит еще на несколько раз. Гелбин быстро переставил спусковой крючок к блоку управления противовесами, который представлял собой продолговатую конструкцию из шестеренок, регулирующих тросы, с помощью которых поднималась и опускалась стена. Тросы были соединены с валом, который находился здесь же, под полом, и приводился в движение отдельной пружинной катушкой. Гелбин отложил коробку с устройством в сторону, заглянул в дыру в полу и стал очень быстро откручивать крепежные болты, которые удерживали вал на месте.

Ржавых болтов насчитывалось четыре, и Гелбин потратил оставшееся время, чтобы открутить три из них. Металл натужно заскрипел, когда чудовищный вес всей конструкции переместился на один единственный проржавелый болт.

Гелбин едва успел закончить работу, когда подоспевший трогг схватил его и поднял над полом. Хищник поднес гнома к лицу и криво улыбнулся – добыча наконец была в руках. Главный механик находился буквально в нескольких сантиметрах от огромных надтреснутых зубов, между которыми застряли останки того несчастного создания, которое последним находилось так близко к пасти зверя. Гелбина перекосило от отвращения.

– Пружиннец был прав. Запах *действительно* ощущается на вкус.

Трогг взревел, забрызгав главного механика слюной. В ответ Гелбин размахнулся и ударил зверя кулаком – осколки передних зубов полетели троггу прямо в горло. Хищник уронил свою жертву и отшатнулся, издав булькающий звук. Гном стряхнул кровь с руки и разжал кулак, в котором обнаружился железный молоток.

– Дружеский совет: никогда не подпускай гнома близко к своим зубам.

Трогг утер кровь со рта и обернулся навстречу подоспевшему собрату, кожу которого покрывали многочисленные волдыри. Оба зверя были в ярости, и Гелбин понял, что он на волосок от смерти. Главный механик сделал быстрый шаг назад и отпустил наскоро переставленный спусковой крючок.

Противовесы, установленные под полом, пришли в движение, натягивая тросы. Единственный ржавый болт не выдержал давления и разлетелся на куски. Кафель под ногами у троггов взорвался тысячей осколков металла и комьев земли, когда тросы проломили пол, выдернув установленный под ним вал. Хищников отбросило назад, на развороченный стол, а стена за спиной у главного механика снова ушла в потолок.

Враги были повержены, а путь свободен. Пора уходить. Гелбин развернулся, засовывая инструменты за пояс, но на секунду остановился и подумал, не забрать ли ему с собой свои старые очки. Они все еще лежали в другом конце комнаты, рядом с уродливым обрубком ноги трогга. Целые и невредимые. Гелбин автоматически потер переносицу в том месте, где натирала новая оправа.

– Нет-нет, – сказал гном сам себе, покачав головой. – Они уже свое отслужили. К тому же, мне пора выбираться отсюда.

Вот только драгоценное время было потеряно. Из прохода стали появляться новые трогги. Десятки троггов. Толпа хищников ворвалась в кабинет и окружила главного механика. Звери рычали, выли и постоянно облизывали свои отвратительные зубы. Гелбин опешил, не зная, как поступить дальше. Вряд ли трогги станут по очереди подносить гнома к лицу, чтобы он смог ударить каждого молотком.

Но хищники не спешили наброситься на него. Они выжидали.

– Прими мои искренние извинения, Гелбин. Я недооценил твои способности. Нужно было натравить на тебя *четырёх* троггов.

После этих слов раздался высокий раздражающий смех. Судя по всему, Термоштепсель впал еще в большее безумство, находясь в окружении этих диких созданий. Послышался лязгающий звук, шипение парового двигателя – и в комнату вошел Сикко.

Анжинер сделал себе новый боевой костюм. Гелбину докладывали, что последние несколько лет Сикко разгуливал по Гномрегану в чем-то огромном и бочкообразном, – но это творение не подходило ни под какие описания.

Управляемый механизм роста с человека прошествовал мимо замерших в ожидании троггов, обдавая их струями горячего пара. Костюм был сделан из мягких декоративных металлов и чем-то напоминал парадное обмундирование человеческих правителей, которое те одевали, чтобы произвести впечатление на простолюдинов. Только вместо человеческой головы из ворота торчало маленькое морщинистое лицо Сикко. Обезумевший анжинер сильно постарел за последние годы, и Гелбин едва узнал своего старого друга: впавшие щеки, редкие пряди тонких седых волос и зеленоватый оттенок кожи, который свидетельствовал о радиационном отравлении и прогрессирующем сумасшествии.

Гелбин сочувствующе посмотрел на Сикко, однако тот ошибочно принял его сочувствие за восхищение. Термоштепсель усмехнулся, сделал небольшой круг почета и торжественно поклонился.

– Потрясающий образчик гения инженерной мысли, не правда ли? Знаешь, я провел несколько тестов с более практичной боевой моделью этого костюма, но она оказалась крайне неповоротливой и... несколько взрывоопасной. Этот вариант намного стабильнее и больше подходит моему статусу.

– Твоему статусу?

– Конечно. Это естественно, что король гномов во всем солидарен с другими правителями, даже в вопросах внешнего вида. Хотя тебе, мелкому неудачнику, этого не понять.

Гелбин нахмурился.

– Король гномов, да? То есть, если я тебя правильно понимаю, ты больше не собираешься участвовать в выборах? Наверное, так будет лучше, поскольку народ вряд ли станет голосовать за кандидата, который не является гномом.

Пару секунд Сикко стоял как громом пораженный, а потом в комнате раздалось змеиное шипение. Главный механик не был уверен, откуда исходил этот звук: из бурлящей паровой машины на животе у Сикко или же из горла будущего узурпатора. В любом случае, шипение отлично гармонировало с суровым взглядом Термоштепселя.

– По-моему, ты слишком долго просил милостыни у дворфов и повредился рассудком, Гелбин. Как это я не гном? Да во мне в десять раз больше гномского, чем тебе может присниться! Пока ты сидел в сторонке и молился на свой непредсказуемый «гений», всю *работу* делал я! Кто неделями трудился над чертежами баллистических устройств для твоих осадных машин? Это я сделал из

твоей гроыхающей консервной банки мобильную пушку! Только благодаря ей мы скрепили союз с дворфами. И хоть бы одно слово благодарности!

Гелбин вздохнул.

– Сикко, ты был одним из самых умных гномов в Дун Морог, но, кажется, забыл, как я во всеуслышание хвалил твою работу. Ты всегда выдавал свежие и гениальные идеи, но вместе с тем был слишком небрежен: твои расчеты были очень неточными и ты уделял крайне мало времени отладке механизмов. Я приставил тебя к созданию вооружения в надежде, что ты осознаешь всю ответственность дела и будешь относиться к работе серьезней. Но если бы я использовал предоставленные тобой данные по баллистическим ракетам, все осадные машины взорвались бы при первой же перезарядке снарядов. Я провел много часов, пересчитывая показатели, прежде чем отправить все на разработку в Стальгорн.

– Что? Наглая ложь! Если все было так плохо, то почему вся слава досталась мне?

– Потому, – ответил Гелбин, – что ты был моим другом.

Сикко Термоштепсель сделал шаг назад, глядя на своего противника большими глазами. На мгновение его лицо смягчилось и он стал снова похож на того харизматичного молодого гнома, с которым Меггакрут подружился много лет назад. Гнома, которому Гелбин помог сдать выпускные экзамены в университете, принял в свой цех и назначил на важный пост во Дворе Механиков, несмотря на беспокойный характер и все ухудшающиеся результаты работы. Сикко моргнул пару раз и почесал лоб металлической рукой.

– Гелбин, я...

Потом он перевел взгляд на механическую руку с мощными позолоченными пальцами, которые создал *он сам*. Сикко сжал пальцы в кулак, и его губы растянулись в сумасшедшей улыбке. От прежнего друга Гелбина вмиг не осталось и следа.

– Именно из-за того, что ты так тщедушен и слаб, я и решил взять бразды правления в свои руки. Гномы должны править миром при помощи своих непобедимых машин, а не продавать их идиотам-союзникам! Торгашеством пусть занимаются гоблины!

Главный механик покачал головой.

– Ты ведь так ничего и не понял, да? Наша главная сила именно в верности друзьям. Этим мы отличаемся от огров, троггов и даже гоблинов. Именно поэтому дворфы помогли нам, когда мы находились на грани уничтожения, и даже предоставили в наше распоряжение часть своей территории, чтобы нам было что

называть домом. И по этой же причине дворфы, люди, дренеи и ночные эльфы сейчас сражаются с нами плечом к плечу и жертвуют собой, чтобы отвоевать город, который никогда им не принадлежал. Они помогают нам, потому что они наши друзья, Сикко. Мои друзья. И вместе мы – сила, которую не измерить никакими приборами.

Анжинер зашипел, – на этот раз Гелбин был уверен, что звук исходил именно от перекошенного лица сумасшедшего гнома, – и зашагал вперед.

– Почему бы тебе не заткнуться и не позволить мне прикончить тебя! Мир наконец избавится от еще одной нелепой ошибки природы.

Сикко подошел вплотную к главному механику, кивнул и помахал рукой на прощанье. Ладонь боевого костюма издала трещащий звук, нарисовала в воздухе круг и втянулась в запястье. Термоштепсель хихикнул и вытянул руку вперед. Породив очередное облако пара, из запястья выехал клинок, который быстро раскалился и стал огненно красным. Гелбин отшатнулся и ударился о находившийся сзади вал. Закрепленная на нем витая пружина впилась ему в спину. Главный механик выхватил отвертку, заткнутую за пояс, и вскинул руку, чтобы парировать удар Сикко. Это вызвало еще один смешок со стороны анжинера.

– О, как это мило. Это дворфы научили тебя такой технике боя?

– Нет, – ответил Гелбин, крутнув отвертку между пальцев, – это техника, которой пользуются исключительно гномы. Береги голову!

Главный механик вскочил на ноги и воткнул отвертку в стяжку над рамой, на которой крепилась рессора. Соединяющая конструкция с лязгом упала на землю, рессора отделилась от оси, и в комнате раздался пронзительный свист, сопровождающий высвобождение огромного количества сконцентрированной энергии. Что-то огромное пронеслось у Гелбина над головой, рассекая воздух... и наступила тишина.

Гелбин огляделся. Трогги стояли на месте, как и прежде, с их клыков капала слюна. Сикко издал еще один смешок.

Три одиноких волоска, украшавших лысину Меггакрута, медленно упали на землю.

За ними последовали головы всех троггов, находившихся в комнате.

И в завершение к ним присоединилась верхняя часть разрезанного пополам боевого костюма Сикко Термоштепселя. Окутанная клубами пара, она с грохотом упала на землю прямо перед Гелбином, и голова Термоштепселя оказалась как раз в ногах у главного механика. Сикко сглотнул и захлопал глазами.

Сикко был удивлен.

Сикко был... растерян.

– Мои ноги... Они остались в той части, – сказал Термоштепсель, указав рукой на оставшуюся стоять нижнюю часть костюма.

Главный механик Гелбин Меггакрут кивнул и нагнулся, чтобы потрепать Термоштепселя по механическому плечу.

– Так и есть, друг мой. Учитывая то обстоятельство, что их отрезало острой как бритва рессорой, а потом прижгло паром от развалившегося мотора, кровотечения почти не будет. Я бы остался посмотреть, кто доберется до тебя раньше: трогги или крысы, – но сегодня я уже достаточно насмотрелся на твоих прислужников.

– То есть ты просто оставишь меня здесь одного?

– Ты не заслуживаешь быстрой смерти – только жалкое длительное существование в темной дыре в окружении грязных монстров.

Гелбин грустно улыбнулся и сделал шаг назад. Он широко раскинул руки, словно пытаясь обнять весь многострадальный Гномреган.

– Ты сам создал себе тюрьму, Сикко. И она во много раз лучше того, что я бы мог построить для тебя. В этом ты действительно превзошел меня. Поздравляю!

Сикко Термоштепсель моргнул и замер на полуслове. Гелбин наслаждался редкой возможностью посмотреть на врага свысока. Вдалеке раздались звуки приближающихся к проему троггов, и главный механик понял, что ему пора.

– К тому же, если ты все-таки выживешь, думаю, я предпочел бы видеть во главе этих монстров именно тебя, а не какого-нибудь трогга.

Гелбин наклонился, понюхал макушку Термоштепселя и скривился от отвращения.

– Наслаждайся своим заключением, друг мой. Твой срок почти подошел к концу.

С этими словами Гелбин вышел из кабинета и направился в сторону Нового Города Механиков, оставив беспомощного Сикко, разрезанного на две части, наслаждаться темнотой в одиночестве.

Чтобы избавиться от троггов, потребуется еще много сил и времени. Тем временем задача по устранению вони стала приоритетом номер один, и в голове главного механика начали роиться мысли о том, чтобы перестроить коридоры, сделав их более просторными, и улучшить систему вентиляции. Этой «темной дыре» светят такие большие перемены, каких не видели даже титаны! И результатом будет не просто возвращение былой славы, а что-то намного большее. И намного более светлое. То, что будет лучше подходить гномам Азерота. Гелбин снял очки и,

помассировав переносицу, вздохнул. Всего несколько новшеств и парочка улучшений – нос пока подождет.